

УДК 343.98.06; 343.955

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(2).252-261

ПРИЧИННОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ КАК ОБЪЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ В СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Д.В. Бахтеев*Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация***Информация о статье**

Дата поступления

23 марта 2018 г.

Дата принятия в печать

8 апреля 2019 г.

Дата онлайн-размещения

26 апреля 2019 г.

Ключевые слова

Причинность; случайность;
причинно-следственная связь;
криминологическое мышление;
случайный поиск; множественность
причин

Финансирование

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-29-
16001\18

Аннотация. Рассматривая криминологическое мышление с двух позиций: как набор установок и как подвижную систему средств познания события преступления, автор отмечает, что процесс раскрытия и расследования преступлений предстает в мышлении познающего его субъекта как динамическая система, развивающаяся от следствия к причине. Таким образом, осуществляется процесс перехода от априорной (фрагментированной) вероятности доказательственной информации к апостериорной, достоверной вероятности. Подчеркивается значение аналитико-синтетических механизмов мышления следователя, позволяющее избежать следственных ошибок и иных искажений восприятия информации. Каждому следствию соответствует конкретная причина, однако единая причина может повлечь множественность следствий. Тем самым причинность совершения преступления и образования его следов воспринимается в развернутом виде, т.е. через следовую картину последствий преступления следователь познает механизм совершения преступления, избирая из возможной множественности причин наиболее достоверную. Автор указывает на важность установления достоверности любой получаемой информации, поскольку материальная информация подвержена деструктивным физико-химическим процессам, а идеальная — когнитивным искажениям восприятия, запоминания и воспроизведения. Однако даже при искажении следовой информации причинно-следственные связи остаются неизменными. Подчеркивается значение версионного процесса в установлении причинно-следственных связей. Автор отмечает присутствие в процессе раскрытия и расследования преступлений случайных факторов, с одной стороны оказывающих негативное воздействие на этот процесс, а с другой — позволяющих осуществить разрешение проблемных ситуаций, характеризующихся недостатком информации. Наиболее ярко случайность проявляется в следственных ситуациях проблемного и рискованного характера. Отмечается, что случайность выступает строго субъективной характеристикой, зависящей от особенностей криминологического мышления познающего субъекта, а не свойством объективной реальности; на разных уровнях рассмотрения проблемы характеристик причина может изменяться. Анализируется структура последствий случайного поиска как метода принятия решений в условиях дефицита информации: возможны продолжение случайного поиска, обновление версионного предположения либо трансформация следственной ситуации из простой в сложную или наоборот.

CAUSALITY AND RANDOMNESS AS OBJECTS OF PERCEPTION IN THE STRUCTURE OF CRIMINALISTIC THINKING

Dmitry V. Bakhteev*Ural State Law University, Yekaterinburg, the Russian Federation***Article info**

Received

2018 March 23

Accepted

2019 April 8

Available online

2019 April 26

Keywords

Causality; randomness; cause-and-effect
relation; criminalistic mindset; random
search; multiplicity of causes

Abstract. The author analyzes criminalistic mindset from two standpoints — as a set of guidelines and as a flexible system of tools for studying the crime incident — and notes that the process of investigating and solving crimes is represented in the cognition of the person studying it as a dynamic system developing from cause to effect. Thus, there is a transition from the a priori (fragmented) probability of evidential information to the a posteriori, reliable probability. The author stresses the importance of the analysis and synthesis mechanism of the investigator's thinking, which allow them to avoid investigation mistakes or other distortions of information perception. Each consequence has a corresponding concrete cause, although one cause could lead to multiple consequences. Thus, the causality of a crime and the appearance of its traces are perceived in detail, i.e., the investigator studies the mechanism of how the crime was committed through the trace picture of crime consequences and chooses the most probable of all possible causes. The author points out the importance of verifying the obtained

Acknowledgements

This research is financially supported by RFBR within research project № 18-29-16001\18

information because material information is subject to destructive physical and chemical processes, while the ideal information — to cognitive distortions of perception, memory and reproduction. However, even when the trace information is distorted, the cause-and-effect relations remain intact. The author stresses the significance of the version process in the establishment of the cause-and-effect relations. He also discusses the random factors present in the process of crime investigation and solution, which, on the one hand, have a negative impact on this process and, on the other, make it possible to resolve problem situations characterized by a lack of information. Randomness is most evident in the investigative situations of problematic or risky nature. It is noted that randomness acts as a strictly subjective feature dependent on the specifics of the criminalistic mindset of the subject of cognition, not on the features of the objective reality; the characteristics of randomness could differ at different levels of examining a problem. The author analyzes the structure of the consequences of random search as a decision-making method in the conditions of insufficient information: it is possible to continue random search, to update the version or to transform the investigative situation from the simple into the complex or vice versa.

Известный австрийский философ и логик Людвиг Витгенштейн в своих работах доказал зависимость вопрошающего мышления от обязательной группы несомненных утверждений [1; 2], т.е. деятельность, ориентированная на познание сложных систем, может изучаться с позиций основ мыслительной деятельности познающего субъекта. Эффективность любых практических действий человека находится в определенной зависимости от когнитивных способностей и возможностей субъекта реализации таких действий, в том числе от обработки таких мыслительных операций, как установление связей между исследуемыми объектами. Практическая деятельность по раскрытию и расследованию преступлений вполне закономерно основывается на мышлении познающего субъекта. Криминалистическая деятельность, несмотря на значительное количество случайных и псевдослучайных элементов, представляет собой вполне познаваемую информационную систему, которую возможно подвергнуть детальному исследованию. Разрешение сложных вопросов и ситуаций, возникающих в процессе расследования, находится в прямой зависимости от когнитивных ресурсов следователя, в которых важнейшим компонентом является выведенное из исходных данных знание, которое в дальнейшем может развиваться в искомое, имеющее доказательственное значение. Л.Р. Роквелл отмечает, что критическое, рациональное отношение к расследованию может подвергаться множеству искажений, характерных для мыслительного процесса человека [3]. Правильно сформированное криминалистическое мышление может позволить избежать таких искажений либо минимизировать их влияние на ход расследования.

Словарное определение мышления сводится к «мыслительному процессу, совокупности мыслей; тому, что заполняет сознание; убеждениям, взглядам» [4, с. 358]. Вполне согласуется с таким определением точка зрения А.Р. Ратинова, в соответствии с которой «всякое мышление включает в себя два необходимых компонента: знание и действие. Наши знания, то есть представления и понятия о чем-либо, еще не мышление, а лишь его предпосылка либо его результат» [5, с. 206].

О необходимости изучения криминалистического мышления как основы практической деятельности следователя можно найти упоминания как на ранних этапах становления криминалистического знания, так и в современный период. Так, Ганс Гросс, справедливо считаемый родоначальником классической научной криминалистики, неоднократно подчеркивал значимость мыслительной деятельности в работе судебного следователя. Например, он писал: «...судебный следователь всегда уловит такой момент, если только он приступает к следствию с верными, непоколебимыми принципами и если он постоянно имеет в виду, что «убеждение о деле» не может появиться в готовом виде, но что он должен дойти до убеждения, шаг за шагом, на почве, которую он сам подготавливает путем осторожных и основательных отдельных убеждений по поводу фактов и эпизодов дела» [6, с. 17]. Ярчайший представитель отечественной криминалистики Р.С. Белкин в своем определении предмета криминалистики подчеркивал, что это «наука о закономерностях возникновения, собирания, исследования и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений»

[7, с. 9]. В зарубежной криминалистической мысли первой работой, систематизирующей знания по вопросам криминалистического мышления, стала монография швейцарского ученого Ханса Вальдера *Kriminalistisches Denken* («Криминалистическое мышление»). В этой работе, которая к настоящему времени выдержала более десяти переизданий, на основе примеров и судебно-следственной практики проанализированы отдельные методы мыслительного подхода к доказательственной информации, включающие в себя техники анализа информации, выдвижения версий, недопущения следственных и экспертных ошибок. Интересным является то, что в ранних версиях работы Вальдер фактически приравнивал криминалистическое мышление к интуиции (инсайту, озарению), однако в последнем прижизненном издании книги (уже в соавторстве с Томасом Хансъякобом) в анализе криминалистического мышления наблюдается более критичный, рациональный подход. Так, в последних переизданиях указывается, что «тем, кто полагается лишь на интуицию, в сложных делах может помочь только везение. Системный подход не всегда достаточен, но всегда необходим в расследовании преступлений» [8, S. 2–3].

В англоязычной научной литературе, посвященной вопросам криминалистического мышления, для обозначения этого феномена в основном используются два термина — *mindset* и *thinking*. В прямом значении первый из них подразумевает исходные предпосылки, установки, позволяющие осуществлять эффективную мыслительную деятельность, а второй — сам процесс такой мыслительной деятельности. Так, Рейчел Петтер, применяя термин *mindset*, подчеркивает, что криминалистическое мышление — это «совокупность техник и приемов, позволяющих следователю *сохранить состояние* открытости ума в процессе расследования» (курсив наш. — Д. Б.) [9]. Ивар Фазинг, отдающий предпочтение термину *thinking*, указывает, что «во всех моделях криминалистического мышления ключевым звеном является *способ принятия решений* и прогнозирования в условиях неочевидности» (курсив наш. — Д. Б.) [10, р. 17–19]. Таким образом, два этих термина демонстрируют статическую и динамическую стороны мыслительного процесса субъекта расследования. Представляется, что обе точки зрения являются одновременно корректными и отражают различные аспекты единого феномена: одностороннее представление мышления либо

как набора установок, либо как динамической инструментальной системы явно приводит к редуccionистскому, неполному пониманию рассматриваемого феномена. Соответственно, криминалистическое мышление в настоящей статье рассматривается с позиций как статичности, так и динамики мыслительной деятельности следователя или другого участника процесса доказывания по уголовным делам.

Представляется, что одним из наиболее важных объектов, которыми оперирует криминалистическое мышление субъекта расследования преступления, является генетическая (причинно-следственная) связь, соединяющая имеющуюся в распоряжении следствия исходную следовую информацию с событием преступления, имевшим место в прошлом, причем эта связь носит вероятностный характер. На исходных позициях расследования уголовного дела следователь может иметь дело только с априорной вероятностью, основанной на фрагментированной и зачастую противоречивой информации, при этом конечной целью расследования как процесса познания является получение апостериорной, или проверенной, доказанной, безусловной информации. Таким образом, процесс раскрытия и расследования преступления может быть представлен в форме динамической системы, в которой происходит движение от априорной вероятности к апостериорной. Криминалистическое мышление, присущее следователю, обычно функционирует в динамике «следствие — причина», т.е. следствие (сам факт события преступления и его следовая картина) следствию известно, в то время как причина (в первую очередь личность преступника) составляет важнейшую часть предмета доказывания. В отдельных случаях, в частности при расследовании некоторых преступлений экономического характера (к примеру, присвоения и растраты), потенциально виновное лицо устанавливается сразу, однако могут возникнуть трудности в доказывании самого события преступления. Соответственно, реконструкция события преступления осуществляется путем установления следственно-причинной связи; эта связь восстанавливается реверсивно. При этом следует учитывать, что любые следы (последствия) преступления «не могут объективно, т.е. независимо от сознания следователя, свидетельствовать о соответствии его утверждения об обвинении тому, что произошло в действительности. Все доказательства, присутствующие в уголовном деле, в большин-

стве своем представляют собой определенные тексты, которые сами требуют соотнесения их с действительностью.

Факт (событие) преступления к моменту познания уже не существует в действительности в его целостном состоянии. В лучшем случае к моменту познания объективно (т.е. в своем предметном выражении) могут сохраниться лишь отдельные фрагменты, результат или сопутствующие обстоятельства, так или иначе связанные с преступлением» [11, с. 783–784]. Именно энтропия (рассеивание) доказательственной информации приводит к большинству трудностей, с которыми сталкивается следователь. Материальные следы преступления могут исчезнуть или видоизмениться под воздействием объективных физических факторов: времени, температуры, давления, химических реакций и пр. Идеальные следы, существующие в сознании виновных лиц, свидетелей и потерпевших, в свою очередь, могут подвергнуться значительному искажению в процессе восприятия, запоминания, а также воспроизведения. Так, в исследованиях, проведенных Дж. Шоу [12, с. 65–68] и Т. Шиллингом [13], отмечается, что состояние возбуждения (безусловно характерное для большинства насильственных преступлений) ухудшает процесс восприятия, а следовательно, и запоминания, что может привести к противоречиям между показаниями лиц и иными обстоятельствами по делу. Если общая картина произошедшего еще может быть с относительной точностью воспроизведена при получении и проверке показаний, то «детали, специфика и последовательность в воспоминаниях потерпевших зачастую не являются достаточно достоверными» [14] и тем самым вполне способны исказить точное восприятие следователем механизма причинно-следственных связей расследуемого преступления. Однако причинно-следственная связь «неизменяема и быть уничтоженной не может, так как сама по себе она уже осуществилась. Причинно-следственная связь не существует как материальный объект, она может лишь только проявляться в них как элементах подобной связи» [15, с. 53].

С онтологической точки зрения во всех явлениях и процессах конкретная причина однозначно связана с порожденным ею следствием, т.е. каждое следствие имеет свою определенную причину. Особенно отчетливо такая однозначная связь должна прослеживаться в индивидуальных (нестатистических) событиях и тем

более в тех из них, которые уже произошли (совершились в прошлом) [16, с. 183–184].

Однако, несмотря на объективную, однозначную и необходимую связь между причиной и следствием, в субъективном плане часто бывает неизвестно, какая из возможных причин наступившего явления была реализована в данном случае, более того, возможна ситуация неполного понимания относимости конкретных сведений к событию преступления или их включения в структуру причинно-следственных закономерностей.

Между причиной и следствием так же, как между сущностью и явлением, отсутствуют отношения изоморфизма (сходства, идентичности): одинаковые (однотипные) причины могут привести к самым различным следствиям. В свою очередь, одни и те же результаты могут порождаться неоднородными причинами. При этом принцип причинности предполагает запрет влияния события-следствия на событие-причину: хотя следствие обусловлено его причиной, отношения между этими фактами являются односторонне направленными — причина предшествует следствию, следствие не способно оказать влияние на причину [17]. При решении указанной проблемы необходимо руководствоваться концепцией, согласно которой каждому явлению (следствию) на основании определенного типа связи соответствует одна причина, однако иной характер причинно-следственной связи может от той же причины привести к совершенно иному следствию.

Учет всего комплекса результатов, вызванных к жизни определенной причиной, а также всех необходимых и сопутствующих условий позволяет однозначно ответить на вопрос о конкретной причине данного явления. В этом и проявляется подлинная сложность познания необходимой связи между причиной и следствием и правильный подход к так называемой проблеме множественности причин.

А.А. Эйсман писал: «В процессуальной и криминалистической литературе связи между фактами обычно рассматриваются суммарно, не различаются на отдельные типы либо сводятся к одному типу — причинной связи» [18]. Связь между событием *прошлого* (преступлением) и его последствиями, находящимися в *настоящем* (идеальные и материальные следы), с точки зрения научного детерминизма всегда является однозначной и определенной. Однако в силу отсутствия многих компонентов ин-

формационной картины произошедшего, подлежащих обнаружению или уже недоступных следствию по причине исчезновения следов, непосредственное установление однозначной связи между преступлением и исходными данными невозможно.

В проблемных ситуациях неизвестной может оказаться как причина, так и следствие (результат, последствия совершенных действий). Поэтому промежуточной задачей следователя является установление *вероятностной* связи между исходными данными и предположениями субъекта познания и, соответственно, формирование вероятностного описания события преступления. Однако уголовно-процессуальное законодательство предъявляет к доказательствам требование достоверности. Под достоверностью в данном случае следует понимать предельную степень вероятности, доказанную субъективную форму истины в сочетании с логической и фактической невозможностью альтернативного объяснения событий. При этом общей задачей следователя является выяснение истинных причин, приведших к последствиям совершенного преступления, т.е. установление объективной информационно-логической связи между имеющимися данными (следствием) и предполагаемым искомым (причиной), а конкретной — обнаружение, идентификация и включение в доказательственную базу всех информационных элементов (кластеров), характеризующих искомое и относящихся к нему.

Несмотря на то что расследуемые преступления всегда являются уже совершившимися событиями, событиями прошлого и в силу линейности и необратимости времени не обладают вероятностной структурой, в гносеологическом и логическом отношении обычно нельзя сразу подойти к однозначному достоверному выводу о генетической связи между следствием и его предполагаемой причиной.

Более того, на ранних стадиях раскрытия преступления следователь обычно сталкивается не просто с множественностью возможных причин установленного следствия, а с отсутствием достоверной информации о самой сущности расследуемого события, в том числе о возможных причинах выявленных последствий. В целях минимизации информационной неопределенности следователем выдвигаются версии, выступающие переходным звеном между неизвестным искомым и доказательственной информацией.

Единство, последовательность и интегративный характер научного знания требуют изучения любого научного явления всеми доступными методами. Криминалистика с начала своего развития использовала результаты и достижения других как смежных, так и относительно удаленных областей научного знания, что вполне обосновывает возможность рассмотрения криминалистического понимания концепции причинности через призму иных научных дисциплин.

Развитие концепции причинности напрямую связано с диалектическим методом, во многом благодаря которому в научный оборот вошли понятия причины, следствия и объединяющей их категории — детерминизма. Г.В.Ф. Гегель писал: «Мы говорим о причине, что она есть причина лишь постольку, поскольку она вызывает действие, и о действии — что оно есть действие лишь постольку, поскольку оно имеет причину» [19, с. 333]. В отечественной философии предлагались такие определения детерминизма, как «существование универсальной взаимосвязи и отрицание существования каких-либо явлений и вещей вне этой универсальной взаимосвязи» [20, с. 8] или «отношение, выражающее зависимость вещей (свойств вещей, отношений между ними, событий, процессов, состояний) в их существовании и изменении от любых факторов» [21, с. 44–45]. Для целей криминалистических исследований в приведенных определениях важным является указание на существование универсальной взаимосвязи и определенность развития причинно-следственной и следственно-причинной связи, зависящей от ряда факторов, «причинность в практике расследования преступлений никогда не выступает обособленно, она всегда реализуется в системе всеобщей связи явлений» [22, с. 24].

Принцип причинности также существует в физике, особое значение он имеет в квантовой теории, в рамках которой исследуются взаимодействия и взаимные превращения микрочастиц. В частности, именно этим принципом во многом обуславливается ограничение передачи любых сигналов на скорости, превышающей скорость света. Однако некоторые современные исследования опровергли этот принцип, доказав, к примеру, возможность сверхсветового туннелирования [23]. Также, согласно так называемому байесовскому выводу, даже при отношениях условной несвязанности двух явлений в случае поступления новой информации их

связь должна быть пересмотрена, т.е. переоценка наличия и характера причинно-следственной связи может осуществляться постоянно [24]. Несмотря на слабую применимость понятийного и инструментального аппарата квантовой теории в криминалистике, вполне может быть использовано положение о том, что при разных уровнях рассмотрения задачи характеристика причинности может изменяться. Это может быть проиллюстрировано простым примером. В случае обнаружения трупа (А) в бытовой обстановке в присутствии иного лица (Б), получившего телесные повреждения тяжкого или особо тяжкого характера при условии исключения присутствия посторонних лиц в момент совершения преступления, следователь зачастую выдвигает вполне логичную версию о том, что убийство А было совершено Б, хотя в действительности инициатором конфликта являлся А, а его смерть произошла в результате обоюдной драки. В данном случае восприятие мышлением следователя причинной связи не учитывает ряда факторов, что радикально меняет модель произошедшего и может сильно навредить эффективности процесса расследования.

Процесс расследования преступлений также подвергается воздействию случайных факторов. Случайность при этом не следует понимать как нарушение принципа причинности, поскольку, с нашей точки зрения, она является полностью субъективным фактором, вызванным неполным пониманием субъектом доказывания определенных характеристик обстоятельств предмета доказывания или в целом факта наличия таких обстоятельств. К примеру, внезапный для следователя отказ обвиняемого от ранее данных показаний, который не был спрогнозирован и потому может условно считаться случайным, в действительности всегда имеет вполне определенную (но не всегда определяемую) рационализацию: это может быть появление в деле новых участников, рекомендация защитника или даже результат длительных кумулятивных рассуждений. Таким образом, под случайностью возможно понимать упущение (в силу субъективных или объективных факторов) из сознания следователя определенных факторов причинно-следственной связи либо неверную их интерпретацию. В этой связи мы предлагаем считать случайность в процессе расследования преступления фактором субъективного, но не объективного характера. Объективная случайность, возникновение которой «предвидеть

невозможно» либо обусловленная закономерностями, которые пока не выявлены [25, с. 328], представляется все же разновидностью случайности субъективной, поскольку возможности восприятия и оценки фактологической информации, на наш взгляд, определяются характеристиками мышления, в первую очередь восприятия познающего субъекта, а не свойствами окружающей среды. Еще Гиппократ Косский утверждал: «Не предоставляй ничего случаю, ничего не упускай из виду, сочетай разные методы наблюдения, не спеши». Полностью признавая разумность такой рекомендации, отметим все же, что в сложных системах, трудно поддающихся анализу, к которым в ряде случаев может относиться деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, случайность может послужить и полезную службу.

Основным операционным направлением в системе криминалистического мышления является процесс выдвижения и проверки версий. Криминалистическая версия, несмотря на ее частично эвристическую (творческую) структуру, может быть представлена в виде сложного категорического силлогизма, большая посылка которого включает в себя опыт и знания следователя, а меньшая — исходную информацию о преступлении. Объективная связь между данными посылками может быть различной формы: категорической, разделительной (дизъюнктивной), гипотетической (предположительной). В рамках настоящей статьи наибольший интерес представляет именно гипотетическая форма связи.

Гипотетическое (предположительное) суждение как основа криминалистической версии базируется на соотношении таких понятий, как основание и следствие, условие и обусловленность, причинность и т.д. В данных суждениях связь между логическими посылками версии зависит от некоторых внешних условий, главным из которых является то, что действительность предиката обусловлена действительностью субъекта, т.е. между ними существует причинно-следственная связь. При этом содержание субъекта и содержание предиката безразличны друг другу. Примером гипотетического суждения может служить выражение «А имел возможность совершить убийство Б, так как находился на месте преступления в момент его совершения».

Криминалистическая версия, представляя собой разновидность практической гипотезы, также характеризуется вероятностным харак-

тером. Как верно подчеркивает Ю.П. Боруленков, «случайность не только характеризует связь между событиями и явлениями, но и играет важную роль в переходе возможности в действительность» [25, с. 322]. Соответственно, гипотетический учет возможных случайных факторов (к примеру, то что подозреваемый А оказался на месте происшествия случайно и не имеет отношения к событию преступления) является важнейшей характеристикой версионного мышления, позволяющего минимизировать вероятность игнорирования отдельных элементов механизма расследуемого события.

Случайность, а точнее, псевдослучайность в мышлении и деятельности следователя может также выступать подходом к проверке следственных версий. Как правило, порядок проверки следственных версий обусловлен их приоритетностью. К примеру, основные версии проверяются до тех пор, пока не будут опровергнуты, только затем следователь переходит к проверке альтернативных версий, в том числе контрверсий. Однако в случае возникновения в процессе расследования ситуации информационной неопределенности следователь не может в силу нехватки информации принять заведомо верное решение, вследствие чего ему приходится прибегать либо к технологии случайного поиска, либо к сплошной последовательной проверке всех возможных версий, обладающих ненулевой вероятностью. В последнем случае следователь может не справляться с большим количеством возможных решений, ему приходится реализовывать лишь некоторые из них, игнорируя остальные, что негативно сказывается на качестве расследования. Аналогичным образом разрешаются ситуации, в которых главная трудность не нехватка информации, а ее избыточность, что является одной из особенностей расследования преступлений в настоящее время [8, S. 7]. В связи с этим следователь должен иметь в виду, что фальсификация выбранных им для первоначальной проверки наиболее перспективных решений увеличивает вероятность других (резервных) решений, которые в начале версионного процесса считались им маловероятными и нерелевантными, а потому подлежат обязательной проверке.

На наш взгляд, случайный поиск в криминалистике предполагает последовательную совокупность решений, в целом составляющих алгоритм случайного поиска, каждое из которых, по мнению следователя, не способно ухудшить

сложившееся положение (т.е. приводит либо к нейтральным, либо к положительным результатам). Необходимость применения случайного поиска обуславливается неопределенностью направления дальнейших действий вследствие недостатка нужной информации (проблемная ситуация) и отсутствием уверенности в точности выбора дальнейших действий (ситуация тактического риска). Кроме этого, такая технология может использоваться при допросе в условиях конфликтной ситуации (так называемое прощупывание допрашиваемого [26, с. 11]).

В результате использования случайного поиска возможны следующие варианты:

1. Целенаправленный поиск по выбранному направлению не приводит к качественному наращиванию информационного массива. В этом случае случайный поиск следует продолжить до момента «нащупывания» искомого.

2. На базе полученной дополнительной информации выдвигается обновленная конкретизированная версия, из которой выводятся логические следствия, и происходит ее фальсификация или частичное подтверждение. Новая информация позволяет приблизить следователя к решению сложной задачи установления искомого. В случае фальсификации дополнительной версии дальнейший поиск осуществляется в иных направлениях по той же технологии случайного поиска.

3. Выбранное направление поиска оказывается верным, и следствие переходит точку бифуркации информационной системы расследования. Точка бифуркации при расследовании преступлений — это смена ситуации, трансформация простой ситуации в сложную или наоборот.

Кроме того, случайность в процессе раскрытия и расследования преступлений характерна для следственных ситуаций, характеризующихся высокой степенью рискованности. В таких ситуациях результат реализации решения следователя может быть осложнен псевдослучайными факторами, что может приводить к ухудшению сложившейся ситуации, например к утрате важных доказательств вследствие принятия следователем риска сужения границ осмотра места происшествия. В таких случаях важным является восприятие познающим субъектом наиболее полной картины возможных негативных последствий («что может пойти не так») и принятие резервных решений, обеспечивающих непрерывность и полноту процесса раскрытия и расследования преступлений.

В соответствии с изложенными положениями деятельность следователя по доказыванию обстоятельств уголовного дела ориентирована как на получение информации собственно о событии преступления, так и на обнаружение материальных и информационных последствий этого факта. Установление подобных последствий существенно затруднено негативными факторами, связанными, например, с тем, что свидетельские показания с течением времени в большей или меньшей степени склонны к искажению, материальные следы деформируются (растаскивание частей трупа дикими животными, выцветание чернил на документе, усложняющее технико-криминалистическую экспертизу документа, и т.д.).

Причинность и случайность в процессе расследования могут быть охарактеризованы следующим образом:

1. Любое событие, явление или факт в процессе расследования имеют объективную обусловленность.

2. Каждому следствию (например, материальному следу на месте происшествия или фрагменту показаний допрашиваемого) всегда соответствует определенная причина или основание.

3. Единая причина может вызвать множественные следствия (к примеру, одноактное событие преступления — удар ножом — порождает целый комплекс следствий — смерть потерпевшего, наличие следов пальцев рук преступника на орудии преступления, следов ног и пр.).

4. Отсутствие видимой (очевидной) причины является признаком проблемной ситуации, т.е. отмечается нехватка содержательной информации или несовершенство мыслительных аналитико-синтетических инструментов следователя.

5. Случайность в процессе расследования следует считать субъективной характеристикой восприятия сложившейся ситуации познающим субъектом: любое нарушение причинно-следственной связи само по себе обладает причинностью, т.е. точка зрения на случайность обусловлена лишь несовершенством механизмов восприятия либо понимания закономерностей физического или социально-психологического характера.

Подводя итог, отметим, что важность выявления последствий преступления обусловлена важнейшей особенностью процесса расследования: поиск доказательств и основное направление (вектор) такого поиска двигаются от следствия к причине, от явления (признаков) к сущности. Множество возможных причин одного и того же явления, а тем более вероятность возникновения множества явлений от множества неизвестных (неопределенных) причин требуют установления как можно большего числа последствий (признаков) совершенного преступного деяния. Изучение феноменов причинности и случайности может также оказаться полезным при разработке систем искусственного интеллекта, ориентированных на прогнозирование развития преступных явлений в обществе и организации борьбы с ними.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витгенштейн Л. Философские работы / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. — М. : Гнозис, 1994. — Ч. 1. — 612 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. И.С. Добронравов, Д.Г. Лахути. — М. : Наука, 2009. — 133 с.
3. Rockwell L.R. Forensic Intelligence Analysis / L.R. Rockwell // Encyclopedia of Forensic Sciences. — Elsevier, 2013. — 2nd ed. — Vol. 3. — P. 341–345.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М. : А ТЕМП, 2016. — 944 с.
5. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей / А.Р. Ратинов. — М. : Юрлитинформ, 2001. — 352 с.
6. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики : новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. / Г. Гросс. — М. : ЛексЭст, 2002. — 1088 с.
7. Белкин Р.С. Введение в курс советской криминалистики / Р.С. Белкин // Криминалистика : учебник / под ред. Р.С. Белкина, Г.Г. Зуйкова. — М., 1968.
8. Walder H. Kriminalistisches Denken / H. Walder, T. Hansjakob. — Heidelberg, 2016. — 350 S.
9. Petter R. The investigative mindset: a critical review : dis. ... degree of BSc. / R. Petter. — Portsmouth : Univ. of Portsmouth, 2013.
10. Fahsing I.A. The Making of an Expert Detective: Thinking and Deciding in Criminal Investigations / I.A. Fahsing. — Gothenburg : Univ. of Gothenburg, 2016. — 108 p.
11. Воскобитова Л.А. Эволюция понятия факта: проблемы юридического познания и правоприменительной практики / Л.А. Воскобитова, В.И. Пржиленский // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 4. — С. 779–789. — DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).779-789.
12. Шоу Дж. Ложная память. Почему нельзя доверять воспоминаниям / Дж. Шоу. — М. : Азбука-Аттикус, 2017. — 366 с.
13. For whom the bell (curve) tolls: cortisol rapidly effects memory retrieval by an inverted U-shape dose — dose response relationship / T.M. Shilling [et al.] // Psychoneuroendocrinology. — 2013. — Vol. 38, № 9. — P. 1565–1572.

14. Hohl K. Memory as evidence: How normal features of victim memory lead to the attrition of rape complaints / K. Hohl, M.A. Conway // *Criminology & Criminal Justice*. — 2017. — Vol. 17, iss. 3. — P. 248–265.
15. Игнатъев М.Е. Криминалистические данные об установлении причинности и причинно-следственных связей в уголовном судопроизводстве / М.Е. Игнатъев // *Проблемы правоохранительной деятельности*. — 2017. — № 3. — С. 50–56.
16. Драпкин Л.Я. Построение и проверка следственных версий : дис. ... канд. юрид. наук / Л.Я. Драпкин. — М., 1972.
17. Матвеев А.Н. Механика и теория относительности / А.Н. Матвеев. — М. : Оникс, 2003. — 432 с.
18. Эйсман А.А. О формах связи косвенных доказательств / А.А. Эйсман // *Вопросы криминалистики*. — 1964. — № 11. — С. 12–30.
19. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук / Г.В.Ф. Гегель. — М. : Мысль, 1974. — Т. 1 : Наука логики. — 452 с.
20. Кедров Б.М. Научная концепция детерминизма / Б.М. Кедров // *Современный детерминизм. Законы природы* / ред. Г.А. Свечников [и др.]. — М. : Мысль, 1973. — С. 6–35.
21. Аскин Я.Ф. К вопросу о категориях детерминизма / Я.Ф. Аскин // *Современный детерминизм и наука : в 2 т.* — Новосибирск : Наука, 1975. — Т. 1. — С. 35–49.
22. Комаров И.М. Криминалистическая теория причинности: некоторые философские и теоретические основы / И.М. Комаров, Е.И. Ян // *Проблемы правоохранительной деятельности*. — 2017. — № 1. — С. 21–27.
23. Steinberg A.M. Quantum non-locality in two-photon experiments at Berkeley / A.M. Steinberg, R.Y. Chiao, P.G. Kwiat // *Quantum and Semiclassical Optics*. — 1995. — Vol. 7, № 3. — P. 259–278.
24. Pienaar J. Causality in the Quantum World [Electronic resource] / J. Pienaar // *Physics*. — 2017. — Mode of access: <https://physics.aps.org/articles/v10/86>.
25. Боруленков Ю.П. Случайность и юридическое познание / Ю.П. Боруленков // *Библиотека криминалиста*. — 2017. — № 2 (31). — С. 319–330.
26. Настольная книга следователя / под ред. Т.Н. Сафонова. — М. : Госюриздат, 1949. — 879 с.

REFERENCES

1. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Philosophical Investigations]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. Vol. 1. 612 p.
2. Wittgenstein L. *Logisch-philosophische abhandlung*. London, 1922. (Russ. ed.: Wittgenstein L. *Logiko-filosofskii traktat*. Moscow, Nauka Publ., 2009. 133 p.).
3. Rockwell L.R. Forensic Intelligence Analysis. *Encyclopedia of Forensic Sciences*. Elsevier, 2013. 2nd ed., vol. 3, pp. 341–345.
4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, A TEMP Publ., 2016. 944 p.
5. Ratinov A.R. *Sudebnaya psikhologiya dlya sledovatelei* [Court Psychology for Investigators]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2001. 352 p.
6. Groß H. *Handbuch für Untersuchungsrichter als System der Kriminalistik*. Munchen, J. Schweitzer, 1904. 452 S. (Russ. ed.: Groß H. *Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovatelei kak sistema kriminalistiki*. Moscow, LeksEst Publ., 2002. 1088 p.).
7. Belkin R.S. Introduction to Soviet Criminalistics. In Belkin R.S., Zuikov G.G. (eds.). *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow, 1968. (In Russian).
8. Walder H., Hansjakob T. *Kriminalistisches Denken*. Heidelberg, 2016. 350 S.
9. Petter R. *The Investigative Mindset: a Critical Review*. Diss. Portsmouth, 2013.
10. Fahsing I.A. *The Making of an Expert Detective: Thinking and Deciding in Criminal Investigations*. Gothenburg, 2016. 108 p.
11. Voskobitova L.A., Przhilenskiy V.I. Evolution of the Notion of Fact: Issues of Legal Cognition and Law Enforcement Practises. *Vserossiiskii krimonologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 779–789. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).779-789. (In Russian).
12. Shaw J. *The Memory Illusion: Why You May Not Be Who You Think You Are*. (Russ. ed.: Shaw J. *Lozhnaya pamyat'. Pochemu nel'zya doveryat' vospominaniyam*. Moscow, Azbuka-Attikus Publ., 2017. 366 p.).
13. Shilling T.M. [et al.]. For whom the bell (curve) tolls: cortisol rapidly effects memory retrieval by an inverted U-shape dose — dose response relationship. *Psychoneuroendocrinology*, 2013, vol. 38, no. 9, pp. 1565–1572.
14. Hohl K., Conway M.A. Memory as Evidence: How Normal Features of Victim Memory Lead to the Attrition of Rape Complaints. *Criminology & Criminal Justice*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 248–265.
15. Ignatiev M.E. Criminalistic Data on the Establishment of Causes and Causal-Investigatory Relations in Criminal Proceedings. *Problemy pravookhranitel'noi deyatelnosti = Problems of Law-Enforcement Activity*, 2017, no. 3, pp. 50–56. (In Russian).
16. Drapkin L.Ya. *Postroenie i proverka sledstvennykh versii*. Kand. Diss. [Creation and verification of investigative leads. Cand. Diss.]. Moscow, 1972.
17. Matveev A.N. *Mekhanika i teoriya otnositel'nosti* [Mechanics and the Theory of Relativity]. Moscow, Oniks Publ., 2003. 432 p.
18. Eisman A.A. On the forms of connection of indirect evidence. *Voprosy kriminalistiki = Issues of Criminalistics*, 1964, no. 11, pp. 12–30. (In Russian).
19. Gegel G.V. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophic Sciences]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. Vol. 1. 452 p.
20. Kedrov B.M. Research concept of determinism. In Svechnikov G.A. (ed.). *Sovremenniy determinizm. Zakony prirody* [Modern Determinism. Laws of Nature]. Moscow, Mysl' Publ., 1973, pp. 6–35. (In Russian).
21. Askin Ya.F. To the problem of the categories of determinism. *Sovremenniy determinizm i nauka* [Modern Determinism and Science]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, vol. 1, pp. 35–49. (In Russian).
22. Komarov I.M., Yan E.I. Criminalistic Theory of the Causes: Some Philosophical and Theoretical Bases. *Problemy pravookhranitel'noi deyatelnosti = Problems of Law-Enforcement Activity*, 2017, no. 1, pp. 21–27. (In Russian).

23. Steinberg A.M., Chiao R.Y., Kwiat P.G. Quantum non-locality in two-photon experiments at Berkeley. *Quantum and Semi-classical Optics*, 1995, vol. 7, no. 3, pp. 259–278.
24. Pienaar J. Causality in the Quantum World. *Physics*, 2017. Available at: <https://physics.aps.org/articles/v10/86>.
25. Borulenkov Yu.P. Casualty and Legal Cognition. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2017, no. 2 (31), pp. 319–330. (In Russian).
26. Safonov T.N. (ed.). *Nastol'naya kniga sledovatelya* [Reference Book of an Investigator]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1949. 879 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бахтеев Дмитрий Валерьевич — доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, г. Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: dmitry.bakhteev@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bakhteev, Dmitry V. — Ass. Professor, Chair of Criminalistics, Ural State Law University, Ph.D. in Law, Yekaterinburg, the Russian Federation; e-mail: dmitry.bakhteev@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бахтеев Д.В. Причинность и случайность как объекты восприятия в структуре криминалистического мышления / Д.В. Бахтеев // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 2. — С. 252–261. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).252-261.

FOR CITATION

Bakhteev D.V. Causality and randomness as objects of perception in the structure of criminalistic thinking. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 252–261. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).252-261. (In Russian).